
ДВА ДНЯ ВЪ КРОНШТАДТѢ.

(Изъ дневника студента) ¹⁾.

I.

Бывають въ жизни каждаго человѣка такіе исключительные дни, о которыхъ невозможно не повѣдать другимъ. Какая то таинственная сила постоянно нудитъ васъ рассказать о тѣхъ впечатлѣніяхъ и настроеніяхъ, которыми переполнена душа. Не удовлетворишь требованій этой внутренней силы, не можешь быть всегда спокойнымъ и довольнымъ собой. Внутренній голосъ постоянно говоритъ тебѣ: ты не исполнилъ своего долга. Таинственный голосъ не внемлетъ тому, что ты переживаешь такія сокровенныя минуты, о которыхъ не всегда и не всѣмъ можно рассказывать. Онъ не слушаетъ и требованій скромности, которая внушаетъ каждому человѣку—больше молчать, въ тишинѣ перевоспитывать себя и учиться у другихъ... Я долго колебался, думая—писать или нѣтъ? Долго боролся съ своими чувствами, выслушивалъ доводы внутреннего голоса „за“ и „противъ“. Наконецъ рѣшился писать. Я расскажу читателю объ одномъ замѣчательномъ въ наше время, пзвѣст-

¹⁾ Предлагаемая статья была получена редакціей ко дню 70-ти лѣтняго юбилея о. Іоанна Кронштадтскаго въ сопровожденіи съѣдующаго письма: „Многимъ я обязанъ тебѣ, великій русскій пастыр! Пусть этотъ скромный и несовершенный очеркъ будетъ моимъ посильнымъ, искреннимъ, сердечнымъ и почтительнымъ даромъ тебѣ въ 70-ю годовщину твоего рожденія. Глубокая любовь къ тебѣ застанила меня страхнуть пылъ съ труда, написаннаго еще въ 1893 г.,—съ труда, которой я не хотѣлъ обнародовать“...—Такъ какъ по своимъ размѣрамъ статья не могла быть умѣщена въ послѣднія книжки журнала, то редакція сочла болѣе удобнымъ отложить печатаніе ея до начала новаго подписнаго гзда.

номъ уже почти всѣмъ, христіанинѣ-пастырѣ,—разскажу о тѣхъ мысляхъ, чувствахъ и впечатлѣніяхъ, какія вынесъ изъ встрѣчи и бесѣды съ этимъ истинно великимъ пастыремъ нашихъ дней. Разумѣю въ данномъ случаѣ, конечно, о. Іоанна Кронштадтскаго.

Чтобы все было ясно и понятно въ дальнѣйшемъ моемъ разсказѣ, прошу читателя обратить вниманіе на мотивы, которые побудили меня ѣхать въ Кронштадтъ. Моя поѣздка въ Кронштадтъ не была результатомъ минутнаго увлеченія, минутной вспышки, ни результатомъ желанія попутешествовать отъ „нечего дѣлать“. Мысль объ этой поѣздкѣ зрѣла во мнѣ давно. Многими фактами я подготовлялся къ ней незамѣтно для себя, нисколько не предъугадывая ея. Если хотите, то и вызвана она была не однимъ исключительно о. Іоанномъ... Чтобы разъяснить это, я позволю себѣ предварительно высказать нѣсколько общихъ соображеній.

Сравнивая два народа, мы легко замѣчаемъ, что далеко не одни и тѣ же принципы руководятъ ихъ жизнью: каждый изъ нихъ въ теченіе своей исторической жизни развилъ и выработалъ особенныя воззрѣнія, особенное жизнепониманіе и жизнеустройство. Эти воззрѣнія составляютъ самый жизненный нервъ, душу каждаго народа. Они-его лучшее и вѣковое богатство. Ими характеризуется вся его жизнь. По нимъ можно прекрасно судить о томъ, какъ много жизненныхъ силъ имѣетъ тотъ или другой народъ въ настоящее время и каково его будущее. И мы, русскіе, имѣемъ такую отличительную характеристическую черту, которой исчерпывается почти все наше духовное богатство какъ настоящее, такъ и будущее. Прекрасно характеризуетъ эту черту незабвенный *Ф. М. Достоевскій*. „Высшая русская мысль, — говоритъ онъ, — есть всепримиреніе идей, міровая скорбь. У насъ созданъ вѣками какой-то еще нигдѣ невиданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ—типъ всемірнаго болѣнія за всѣхъ. Это русскій типъ. Въ немъ будущее Россіи“. „Русскій народъ—народъ Богоносецъ“,—говоритъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Какъ вѣрно схвачены имъ отличительныя черты русской души. Бросьте хотя самый бѣг-

¹⁾ *Ф. М. Достоевскій*. Подростокъ. Стр. 463.

мый взглядъ на идеалы народа, на запросы современнаго общества, на нашу изящную литературу, и вы вполне убѣдитесь въ этомъ. Идеалы нашего народа исчерпываются немногими, но глубокосодержательными его стремленіями „жить по-Божьи“.

Вотъ почему послушать рассказъ о томъ, какъ жили святые подвижники и первые христіане, поговорить, какъ нужно жить по-христіански, сходить въ монастырь помолиться у мощей того или другого Угодника, спутешествовать въ Иерусалимъ для поклоненія святымъ мѣстамъ, посмотреть, какъ отшельники подвизаются на Аѳонѣ,—все это его любимое дѣло. И интеллигентное общество, горячо отзывающееся на горе и страданія ближняго, въ настоящее время особенно стремится въ этомъ отношеніи присоединиться къ народу. Если отъ простаго народа обратиться къ обзорѣню идеаловъ нашей литературы, то нельзя не отмѣтить слѣдующаго. Всѣ они сводятся къ ученію о служеніи ближнему словомъ и дѣломъ,—служенію до пожертвованія самими лучшими интересами своими, и даже до самопожертвованія. Угнетенные, притѣсненные, нуждающіеся, бѣдные, непросвѣщенные—вотъ постоянные друзья нашихъ передовыхъ дѣятелей, о которыхъ мы читаемъ почти на каждой страницѣ прошедшей и современной литературы. Но какъ жизнь, такъ и литература при указанномъ добромъ направленіи имѣютъ одну интересную отличительную черту: тамъ и здѣсь раздаются жалобы на оскудѣніе силъ и способностей человека въ борьбѣ съ окружающею его тьмой. Прислушайтесь къ общественному мнѣнію и вы подслушаете здѣсь очень интересныя разсужденія. Нынѣ времена не тѣ, что были раньше. Нынѣ уже не живутъ такъ, какъ жили прежде. Вотъ посмотрите, какъ жили первые христіане. Полная любовь царила между ними. Скорбящій всегда находилъ утѣшителя, бѣдный—помощь, нуждающійся въ наставленіи—наставленіе. Они составляли одну органически сплоченную семью, въ которой не было ни презираемыхъ, ни любимцевъ: тамъ были всѣ равны. Они всѣ питались одною духовной пищею. У нихъ была одна душа, и Богъ былъ всегда съ ними. Ихъ любовь была такъ всеобъемлюща, что они благоворили даже язычникамъ,—этими злѣйшими своимъ врагамъ. А вспомните ихъ страданія. Какихъ скорбей, му-

чненій, пытокъ нравственныхъ и физическихъ не переносили и не перенесли они? И это все они терпѣли за свою самоотверженную любовь къ людямъ. Сейчасъ многіе изъ насъ не могутъ даже понять, какъ можно терпѣть за добро зло, за истину мученіе. Мы протестуемъ даже тогда, когда наказаніе постигаетъ насъ за правду. Неизъяснимымъ восторгомъ наполняется душа и рассказчика и слушателя. Духъ порывается перенестись въ тѣ далекія святыя времена. Люди скорбятъ о томъ, что родились не въ тѣ годы. Но насъ отдѣляетъ великая бездна отъ тѣхъ временъ. Первые дни христіанства всегда представляются временемъ, которое уже никогда болѣе не повторится на землѣ и котораго нельзя воротить никакими усиліями. Это своего рода тотъ золотой вѣкъ, котораго нѣкогда лишился человѣкъ и о которомъ твердо хранилъ онъ преданіе до самаго пришествія въ міръ Христа Спасителя. Поэты, прозаики, художники, ученые до сихъ поръ заимствуютъ сюжеты для своихъ произведеній изъ того времени. И каждый по своему прославляетъ первохристіанство, выражая сожалѣніе, что его болѣе уже не существуетъ. Вотъ замѣчательнѣйшая черта, характеризующая наше время. Мы, потомки тѣхъ великихъ христіанъ, съ грустью смотримъ на далекое прошлое. Мы, духовные дѣти ихъ, всё желаемъ жить вмѣстѣ съ своими духовными родителями. Мы, хранители ихъ святыхъ завѣтовъ, провозвѣстники славы Распятаго, колеблемся сами. Мы, побѣдители тьмы, провозвѣстники истины, добра, любви, мира, свѣточки, стонемъ подъ бременемъ своихъ грѣховъ. И какъ усталый путникъ вспоминаетъ о тѣнистой, прохладной рошѣ, которая недавно во время сильнаго зноя полудня покоила его, о ручейкѣ съ кристально чистой холодной водой, которой онъ утолялъ свою жгучую жажду, такъ и современный христіанинъ жадно обращаетъ свои взоры къ золотому прошедшему, къ первымъ вѣкамъ христіанства. Только здѣсь онъ находитъ истинно святую христіанскую жизнь, предъ которой готовъ преклониться всёю своимъ существомъ. Обращая свои взоры къ современной жизни, онъ исполняется печали и скорби, что она такъ далеко не походитъ на жизнь его великихъ предковъ. Мало того, иной даже потерялъ надежду когда либо и хотя сколько нибудь приблизиться къ ней.

Интересны и идеалы нашей литературы. Потрудитесь припомнить ея героев и вы увидите слѣдующее, Почти всѣ они—люди чуткіе, отзывчивые на доброе дѣло, желающіе принести пользу своему ближнему. Готовы они жертвовать своими лучшими интересами и даже самопожертвовать. Говорятъ воодушевленные и прочувственные рѣчи о служеніи ближнему, о перенесеніи всѣхъ лишеній, скорбей. Ихъ рѣчи дышатъ такимъ воодушевленіемъ и такою неподдѣльною искренностью, что невольно увлекаютъ слушателя на великое дѣло служенія обществу. И они не только говорятъ, но и дѣлаютъ и даже, пожалуй, очень много и иногда очень настойчиво. Какое чудное, очаровательно хорошее начало. Сколько оно подаетъ благихъ надеждъ на будущія заслуги этихъ людей. Но это только золотыя надежды. Лишь только молодые люди сталкивались съ дѣйствительною жизнью, какъ скоро оставляли свои идеалы. Они становились въ ряды обыкновенныхъ смертныхъ, если еще не ниже. Себя и другихъ за „ничего-недѣланіе“ утѣшали знаменитыми двумя словами: „среда заѣла“. Вотъ какой плохой конецъ. Вотъ какъ недолго продержались они на поверхности жизненного потока.

Чтобы не быть голословными, припомнимъ рѣчи нѣкоторыхъ героев нашихъ извѣстныхъ романовъ. Такъ Версиловъ, герой романа Достоевскаго „Подростокъ“, говоритъ слѣдующее. „Мы тогда (т. е. когда были молоды) всѣ кипѣли ревностью дѣлать добро, служить гражданскимъ цѣлямъ, высшей идеѣ; осуждали чины, родовыя права наши, деревни и даже ломбарды, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ насъ. Клянусь тебѣ, насъ было немного, но мы говорили хорошо, не хуже тебя, и даже поступали иногда хорошо 1)“. Вспоминая свои прежнія юношескія порывы и мечты, онъ такъ опредѣляетъ настроеніе своего юнаго и пылкаго собесѣдника Аркадія Ивановича Долгорукаго. „Знаю; тебѣ теперь хочется именно звонкой жизни, что-нибудь зажечь, что-нибудь раздробить, стать выше всей Россіи, пронестись громовой тучей, оставить всѣхъ въ страхъ и восхищеніи, а самому скрыться въ Сѣверо-Американскіе штаты 2)“. Такъ до полной противоположности различно смотритъ на вещи

1) *Ө. М. Достоевскій. Подростокъ. Стр. 127.*

2) Тамъ же. Стр. 213.

одинъ и тотъ же герой. Когда онъ былъ юношею, ему казалось возможнымъ отдать всего себя на служеніе ближнему, а теперь... онъ „опустился“ и говоритъ о юношескихъ порывахъ, какъ о чемъ то далекомъ, далекомъ и уже невозвратномъ прошломъ.

Послушаемъ, что говорятъ герои другихъ писателей. Вотъ что говоритъ герой романа Тургенева „Дымъ“. „Онъ сидѣлъ одинъ въ вагонѣ; никто не мѣшалъ ему. „Дымъ, дымъ“ повторилъ онъ нѣсколько разъ; и все вдругъ показалось ему дымомъ, все—собственная жизнь, русская жизнь, все людское, особенно все русское ¹⁾“.—„Другой вѣтеръ подулъ и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять таки безустанная, тревожная и ненужная игра. Вспомнилось ему, что съ громомъ и трескомъ совершилось на его глазахъ въ послѣдніе годы... дымъ, дымъ, шепталъ онъ, дымъ. Вспомнились ему горячіе споры, тоска и крики у Губарева, у другихъ высоко и низко поставленныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, старыхъ и молодыхъ, людей... дымъ, повторялъ онъ, дымъ, паръ; вспомнился наконецъ и знаменитый пикникъ, вспомнились и другія сужденія и рѣчи государственныхъ людей и даже все то, что проповѣдовалъ Потугинъ... дымъ и больше ничего ²⁾“. Вотъ чистосердечный отзывъ другого героя того же писателя о своихъ юношескихъ порывахъ: „все паръ и дымъ“ ³⁾ Въ повѣсти „Довольно“ Тургеневъ изображаетъ русскаго художника, у котораго гаснетъ *свѣтъ*, исходящій изъ сердца человѣка, который скрещиваетъ *ненужныя* руки на *пустой* груди. „Бессознательно и неуклонно покорная законамъ природа не знаетъ *искусства*, не знаетъ *свободы*, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка преходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго. Человѣкъ—дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нѣтъ предпочтенія. Гдѣ же намъ, бѣднымъ людямъ, сладить съ этой глухо-нѣмой, слѣпорожденной силой, которая даже не торжествуетъ своихъ побѣдъ, а идетъ, идетъ впередъ, все пожирая; какъ устоять противъ этихъ тяжелыхъ, грубыхъ и

¹⁾ И. С. Тургеневъ. Дымъ. Стр. 150.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

безконечно, безустанно надвигающихся волнь ⁴⁾“: А припомните другого его героя, знаменитаго въ своемъ родѣ, Рудина? Пылкій, увлекающійся и увлекающій другихъ на дѣло-служенія ближнему, съ какимъ рвеніемъ онъ принимался служить ближнему. Но надолго ли? Проходило самое короткое время и онъ отказывался отъ своей идеи, которую такъ горячо всѣмъ проповѣдовалъ, оставлялъ свое дѣло, которое начиналъ дѣлать всегда съ увлеченіемъ, говоря, что невозможно здѣсь работать и честно трудиться. Потерпѣвши неудачу на одномъ поприщѣ, онъ избиралъ другое, твердо обѣщаясь не измѣнять своему новому знамени. Но опять не надолго; и здѣсь, какъ и тамъ, онъ не можетъ переносить всѣхъ затрудненій, какія выпадаютъ на его долю. Скоро убѣждается, что и не имѣетъ силъ трудиться и на этомъ поприщѣ, что онъ опять не на своемъ мѣстѣ. И вотъ онъ выбираетъ новое мѣсто служенія. Такъ проходитъ вся его жизнь, богатая одними лишь „благими порывами“. Много ли сдѣлалъ этотъ человѣкъ для своего ближняго? И почему онъ, полный такихъ благихъ порывовъ, не могъ почти ничего ни для кого сдѣлать?

Не хочу говорить объ Онѣгинѣ, Печоринѣ, Обломовѣ — извѣстныхъ герояхъ нашихъ лучшихъ писателей Пушкина, Лермонтова и Гончарова.

Не много отраднаго находимъ мы и въ произведеніяхъ нашихъ поэтовъ. У нихъ встрѣчается больше, кажется, печальныхъ, грустныхъ строкъ, чѣмъ жизнерадостныхъ, полныхъ надежды и ободренія человѣка. Вотъ что мы читаемъ у одного изъ нихъ, лира котораго пользуется особенною любовью современнаго общества. Въ своемъ, прекрасномъ въ извѣстномъ родѣ, стихотвореніи подъ заглавіемъ „Во мглѣ“, онъ пишетъ:

Была пора,—мы въ жизнь вступали
 Могучей, твердою стопой;
 Сомнѣнья злыя не смущали
 Тогда нашъ разумъ молодой.
 Мы дѣтски вѣровали въ счастье,
 Въ науку, правду и людей.

⁴⁾ *И. С. Тургеневъ*. Пов. Довольно. Ср. *Н. Н. Страховъ*. Критич. статьи. объ *И. С. Тургеневѣ* и *А. Н. Толстомъ*. 1862—1885 г.

И смѣло всякое ненастье
Встрѣчали грудью мы своей.
Мечты насъ гордо призывали
Жить для другихъ, другимъ служить,
И всё мы горячо желали
Не бесполезно жизнь прожить.
Мы думали, что близко время,
Когда мы всюду свѣтъ прольемъ,
Когда цѣпей тяжелыхъ бремя
Мы съ мысли скованной сорвемъ;
Когда, какъ дивное сіянье,
Блеснутъ повсюду надъ землею
Свобода, честность, правда, знанье,
И трудъ высокій и святой.
Мы выходили на дорогу
Съ желаньемъ пользу принести,
И достигали по—немногу
До края нашего пути;
Мы честно шли, и отъ начала
Вплоть до заката нашихъ дней
Звучалъ намъ голосъ идеала:
„Впередъ за міръ и за людей!“
Но годы тѣ давно промчались:
Жизнь шла обычной чередой...
И съ прошлымъ мы навѣкъ разстались
И жизнью зажили иной.
Забыли мы свои желанья;
Они прошли для насъ, какъ сны,
И наши прошлыя мечтанья
Намъ стали странны и смѣшны:
Мы входимъ въ міръ, все отрицая,
Безъ жажды пользу приносить;
Нашъ пошлый смѣхъ, не понимая,
Готовъ все свѣтлое клеймить;
Зовемъ мы предрасудкомъ чувство,
Въ груди у насъ сомнѣній адъ,
Сорвавъ вѣнецъ златой съ искусства,
Мы увѣнчали имъ развратъ.
И грязь презрѣнія бросая
Въ тѣхъ, кто еще силенъ душой,

Проходимъ жизнь мы, поширая
Святыню дерзкою рукой! 1)

Встрѣчаясь и борясь съ различными житейскими невзгодами, юный борецъ и поэтъ не только устааетъ душой, но и почти совершенно теряетъ вѣру въ святое и великое Провидѣніе. Въ стихотвореніи подъ заглавіемъ „Два горя“ онъ пишетъ:

О, еслибъ я зналъ, что надъ нами
Царить справедливый, всевидящій Богъ
И нашими править судьбами!
Но вѣра угасла въ усталой груди;
Въ ней нѣтъ благодатнаго свѣта...
Мнѣ некому больше молиться!.. 2)

Созерцая окружающую жизнь, жизнь людей вѣковъ минувшихъ, припоминая „море крови къ сердцу вопіющей,—море слезъ неотомщенныхъ“, поражаясь „роковой безцѣльностью всего“ и самъ утомленный „безцѣльностью пути“, созерцая всю борьбу и свои жгучія сомнѣнія, юный пылкій поэтъ говоритъ:

Для чего такъ поздно понялъ я,
Что въ борьбѣ и смутѣ мірозданья
Цѣль одна—покой небытія? 3)

Не будемъ тревожить музы другихъ нашихъ поэтовъ. Приведемъ лишь въ заключеніе знаменательныя слова одного поэта, который такъ характеризуетъ жизнь всѣхъ людей:

Намъ суждены лишь благіе порывы,
А свершить ничего не дано. 4)

Вотъ типъ тѣхъ героевъ, которые очень часто выводятся въ нашей изящной литературѣ. Вотъ какъ осуществляется, судя по ея героямъ, великая идея служенія ближнему. Припоминая дѣятельность молодого поколѣнія, и простирая свои взоры къ грядущему будущему, нельзя крѣпко не задуматься. Почему столь безкорыстные, горячіе обѣты положить свою душу на попривѣ служенія ближнему не увѣнчиваются успѣхомъ? Почему у всѣхъ этихъ героевъ достаетъ энергіи всего лишь на нѣсколько лѣтъ? Почему такъ скоро

1) С. Я. Надсонъ. Стихотворенія. Изд. 9-ое. Стр. 5—6. СПб. 1889 г.

2) С. Я. Надсонъ. Тамъ же. Стр. 123—124.

3) Тамъ же. Стр. 91.

4) М. Ю. Лермонтовъ.

они падаютъ предъ неумолимой дѣйствительностью и становятся въ ряды тѣхъ, надъ которыми только что смѣялись и которыхъ презирали за ихъ дѣятельность? Можетъ быть потому, что ложны ихъ идеалы и ненормальны средства для осуществленія ихъ. Можетъ быть потому, что не тверды ихъ обѣты, или можетъ быть потому, что такова участь всѣхъ юношескихъ, святыхъ, горячихъ и безкорыстныхъ обѣтовъ. Это-все не праздные вопросы. Страшно подумать, что тебя и все молодое поколѣніе ожидаетъ одинаковая участь со всѣми трудившимися прежде. Ужели придется стать въ ряды большинства людей, жить безъ живой мысли и живого дѣла? А если нѣтъ, то каковы средства, которыми долженъ руководиться всякій желающій навсегда сохранить свои юношескіе обѣты? Какой избрать жизненный путь? Ровно черезъ годъ передо мной откроется поприще самостоятельной жизни и дѣятельности. Нужно раньше разобраться въ хаосѣ мучительныхъ, жизненныхъ вопросовъ, чтобы не блуждать впослѣдствіи по распутіямъ міра. Короче говоря, хотѣлось посмотрѣть, какъ живутъ и служатъ обществу хорошіе люди, откуда они почерпаютъ силы и такое самоотверженіе для служенія тысячамъ немощной братіи, какъ препобѣждаютъ свои житейскія невзгоды, какъ хранятъ они свои юношескіе, горячіе, добрые обѣты въ чистотѣ до послѣднихъ дней своей жизни. Хотѣлось почерпнуть изъ богатой сокровищницы уроки для себя и своего будущаго служенія, чтобы впослѣдствіи смѣло, съ распростертыми и любвеобильными объятіями идти на встрѣчу каждому заблуждающемуся и страждущему, съ непоколебимой надеждой уврачевать его язвы мучительныя и заставить его снова склониться къ подножію креста Христова, въ которомъ—единственный источникъ всей нашей духовной жизни.

II.

Читатель легко пойметъ теперь чувства и настроенія, которыми была переполнена моя душа въ день отъѣзда въ Кронштадтъ. Пусть для этого онъ только на нѣкоторое время представитъ себя въ моемъ положеніи. Какъ радуется землешадецъ, видя, что его многіе труды Господь увѣнчалъ обильною,

благодатной жатвою, или какъ радуется благочестивый Яломвикъ, видя вдали ту святую обитель, къ которой онъ шелъ изъ далекой стороны, перенося все невзгоды пути; такъ радовался и я, отправляясь къ о. Іоанну. День отправления къ нему для меня былъ большимъ праздникомъ. Я забылъ все труды и скорби, которые всего лишь нѣсколько дней тому назадъ тяжелымъ бременемъ лежали на мнѣ. Приходилось болѣе мѣсяца быть постоянно въ чрезвычайномъ напряженіи, а двѣ ночи пришлось даже провести безъ сна ¹⁾. Но теперь было забыто все. Усталости и утомленности не чувствовала никакой. Печальныя настроенія оставили такъ же быстро меня, какъ легкій туманъ оставляетъ землю при восходѣ солнца. Въ душѣ царило тихое, мирное, свѣтлое, радостное настроеніе. Даже и физически чувствовалъ себя какъ то особенно бодрымъ и подвижнымъ. Вообще чувствовалось какъ то особенно легко, весело и оживленно. Такія настроенія далеко не часто осѣняютъ душу человѣка: они—рѣдкіе наши гости. Испросивши себѣ благожеланій у своихъ друзей и знакомыхъ, полныя различныхъ думъ о томъ, чѣмъ кончится наша поѣздка, наконецъ мы ²⁾ отправились въ Кронштадтъ.

Намъ предстоялъ длинный переѣздъ въ 700 верстъ, съ нѣсколькими пересадками, бессонными ночами. Кромѣ того, въ дорогѣ намъ угрожала скука. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ заняться, находясь больше сутокъ исключительно въ дорогѣ? По крайней мѣрѣ, я еще никогда не проводилъ столько времени въ пути. Но все это нисколько не могло ни поколебать, ни развѣять нашего добраго настроенія. Оно не оставляло насъ всю дорогу; каждая новая станція, полустанокъ, отъ которыхъ становился къ намъ ближе Кронштадтъ, только еще болѣе увеличивали его въ насъ. Въ это время мы были даже не въ состояніи понять, что въ дорогѣ можно скучать. Мы не замѣчали даже около себя скучающихъ и сонливыхъ физиономій. Все, что встрѣчалось намъ на дорогѣ, казалось такимъ же веселымъ, радующимся, какъ и мы сами. Казалось, что все обращали на насъ вниманіе, все были заняты нами. Конечно, разговоръ нашъ вращался около одного вопроса: „что-то будетъ? что-то увидимъ?“

¹⁾ Разумѣю экзамены.

²⁾ Намъ вѣхало 10 человѣкъ.

Въ такомъ настроеніи находились мы, а поѣздъ мчалъ насъ все дальше и дальше отъ С.-П. Мы ѣхали лѣсами, переѣзжали черезъ рѣки, пробѣгали по громаднымъ насыпямъ, миновали болѣе полсотни хорошихъ и плохихъ вокзаловъ, различныхъ платформъ. Пробѣхали мимо нѣсколькихъ городовъ. Немного уже осталось и до главной нашей станціи Петербурга. Наконецъ вотъ и она. Мы слѣзаемъ. Такъ вотъ онъ Петербургъ, краса и гордость Россіи... Вотъ тотъ городъ, побывать въ которомъ давно я мечталъ и считалъ эту минуту одной изъ счастливѣйшихъ въ своей жизни. Вотъ они роскошные дворцы, музеи, государственныя зданія, бібліотеки, памятники, мосты. Всюду массы народа, куда то бѣгущаго и спѣшащаго. Насъ то и дѣло обгоняли на великолѣпныхъ рысакахъ прекрасныя кареты, ландо, пролетки, коляски. Ёдемъ мимо Казанскаго собора. Красавецъ—соборъ. Двѣ великолѣпныя высокія колоннады идутъ отъ него въ направленіи къ Невскому проспекту, образуя собою громадный открытый полукругъ. Это какъ бы двѣ какія гигантскія руки, которыя манятъ суетливую толпу Невскаго проспекта зайти въ этотъ храмъ.

Вотъ гигантъ Исаакій, мрачный, но мощно поднимающійся къ небу, какъ бы какой необыкновенный великанъ, который поднялъ не одну тысячу пудовъ, стоитъ твердо, нисколько не колеблясь и даже нисколько не сотрясаясь. Для него не опасны никакія невзгоды. Когда смотришь на него, такъ и чудится, какъ будто онъ говоритъ тебѣ: „смотри, прохожій, на меня; ты видишь, какъ мощно поднялся я къ небу; поднимайся такъ и ты. Ты видишь, какъ я господствую надъ всѣми невздами, такъ же господствуй надъ ними и ты. Вѣдь для тебя это гораздо легче, чѣмъ для меня: я—великанъ, колоссъ, краса, гордость и удивленіе многихъ созданъ тобой“. И чувствуешь себя какъ то бодрѣе, выслушавъ эту безмолвную, но краснорѣчивую, убѣдительную рѣчь гиганта-колосса.

Много возникало въ душѣ различныхъ думъ, когда мы ѣхали этимъ чуднымъ городомъ. Но какъ ни интересовали насъ всѣ эти рѣдкости, однако мы не остановились сейчасъ въ Петербургѣ, чтобы осмотрѣть ихъ: мы ѣхали не въ Петербургъ, а въ Кронштадтъ. Поэтому спѣшили скорѣе быть тамъ, куда мы стремились. Съ вокзала мы отправились

прямо на Кронштадтскую пароходную пристань. Послѣ довольно продолжительныхъ скитаній по городу на довольно неборзыхъ столичныхъ извозчикахъ мы добрались до пристани. Большими буквами на парапетѣ пристани написано: „въ Кронштадтъ“. Когда я прочиталъ эти слова, то почувствовалъ, что мое сердце забилося гораздо усиленнѣе. Это послѣдняя станція; здѣсь не разъ слѣзаль съ парахода и сѣдился на пароходъ о. Іоаннъ. Еще немного и мы будемъ у цѣли своего путешествія. Что-то будетъ? Въ головѣ зароились опять всевозможныя догадки и предположенія. Мы взошли на пристань. До отхода парохода оставалось всего только полчаса. Прежде я думалъ, что здѣсь должно быть очень мало пассажировъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому и зачѣмъ ѣхать на небольшой островъ, притомъ населенный преимущественно воинствующимъ народомъ. Что онъ можетъ дать въ сравненіи съ Петербургомъ? Однако я жестоко ошибся въ своихъ расчетахъ: пассажировъ была полная пристань. Не нужно было никого спрашивать, кто и къ кому ѣхалъ. Почти всѣ ѣхали къ о. Іоанну. Теперь Кронштадтъ и о. Іоаннъ стали синонимами. Когда мы взяли билеты и взошли на пароходъ, всего нѣсколько минутъ намъ оставалось ждать до его отхода. Но вотъ и послѣдній звонокъ. Сходни убраны. Пароходъ дрогнулъ отъ перваго удара колесъ и тихо сталъ подвигаться впередъ. Сначала колеса вертѣлись чуть-чуть; они какъ бы не хотѣли разстаться съ покоемъ, въ которомъ только что находились. Потомъ, уступая силѣ и давленію пара, завертѣлись чаще, и нашъ пароходъ пошелъ полнымъ ходомъ. Замелькали великолѣпныя зданія Набережной, пароходы и пароходики, корабли... Черезъ четверть часа мы были уже въ открытомъ морѣ.

Одинъ изъ чудныхъ майскихъ дней выпалъ на наше счастье. На небѣ ни облачка. Кругомъ тишина. Ни одна маленькая струйка воздуха не проѣжитъ и не зарябитъ воду, не зашевелитъ парусъ, не заиграетъ вашими волосами. Море представляется какъ бы какимъ однимъ зеркаломъ громадныхъ размѣровъ. Впереди насъ лежитъ громадная величавая, спокойная водяная равнина, кажется, безъ конца въ ширину и безъ конца въ длину. Здѣсь почти ничто не развлекаетъ глазъ путешественника; ничто не отвлекаетъ его отъ этой величественной картины. Только по временамъ на

горизонтъ покажется одинъ, другой бѣлый парусъ, замѣтишь клубы дыма изъ корабля, идущаго тамъ вдали намъ на встрѣчу, пройдетъ мимо насъ корабль или пароходъ. Солнце величаво совершаетъ свой дневной путь по небу. Не скупясь, оно льетъ массу свѣта на землю, какъ бы стараясь освѣтить каждый уголокъ ея. Невольно среди этой величественной грандіозной и успокоивающей обстановки погрузишься въ думы; мысль начинаетъ работать какъ то усиленнѣе. Одинъ вопросъ возникаетъ за другимъ.

Изъ всей вереницы вопросовъ, которые возникали въ моей душѣ, я дольше всего остановился на одномъ изъ нихъ. Вотъ мы ѣдемъ, думалъ я, изъ центра, сердца Россіи на самой ея край, на небольшой островокъ, который когда то и населялся не Славянами, а въ недавнее время, да отчасти еще и теперь, является мѣстомъ подвиговъ различныхъ падшихъ людей, высылаемыхъ сюда изъ столицы. Ужели можетъ быть что-нибудь доброе изъ Назарета? И понялъ я въ это время, еще съ небывалой для меня до сихъ поръ ясностію, что вся земля одинаково благопріятна для осуществленія великихъ началъ христіанства: и пустыня, и холодный сѣверъ, и теплый югъ, и центръ Россіи, и самый отдаленный уголокъ ея. Праведникъ вездѣ „будетъ какъ дерево, посаженное при потокѣ водъ, которое приноситъ плодъ свой во время свое, и листъ котораго не вянетъ; и во всемъ, что онъ ни дѣлаетъ, успѣетъ“. (Пс. I, 3 ст.). Дѣло не въ мѣстѣ, а въ людяхъ живущихъ тамъ или здѣсь. Вотъ почему св. Василій Великій, когда Модестъ грозилъ ему изгнаніемъ изъ отечества, отвѣчалъ ему: „для меня вездѣ земля Господня“. Исторія съ поразительной ясностію подтверждаетъ это. Для истиннаго христіанина дѣйствительно вся земля Господня. Подъ руками дѣятельныхъ христіанъ пустыни превращались въ роскошныя и богатыя мѣста. Бѣдность оставляла свои прежнія жертвы. Духовный мракъ, царившій надъ людьми, разсѣвался. Беспіе смѣнялось непобѣдимой силой. Жизнь становилась неузнаваемой. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока люди не оставляли то знамя, подъ которымъ они до сихъ поръ трудились. Такъ бываетъ и теперь: всегда жизни больше тамъ, гдѣ святѣе и энергичнѣе выступаетъ человекъ. Жизнь и кипучая дѣятельность всегда отливаютъ вмѣстѣ съ людьми съ одного мѣста

на другое. Нынѣ процвѣтаетъ югъ, завтра загорается свѣточъ на сѣверѣ и жизнь бьетъ тамъ ключемъ.

Понялъ я теперь особенно ясно и то, какъ справедливы слова, сказанныя нѣкогда Спасителемъ: „не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы“. (Мѡ. V, 14). Истинно христіанская дѣятельность имѣетъ особенное свойство: она никогда не можетъ остаться незамѣченной и пройти совершенно безслѣдно. Для этого не нужна ни реклама, ни пропаганда, чѣмъ обыкновенно стараются привлечь къ себѣ вниманіе людей непривычные учителя. Для христіанина нужно только одно — трудиться по мѣрѣ своихъ силъ, исполнять вѣщанія завѣты Спасителя, не уклоняться отъ нихъ ни на одну минуту въ сторону. Святая дѣятельность будетъ постепенно останавливать на себѣ вниманіе людей; она заставитъ ихъ говорить о тебѣ, труженикъ, потомъ будетъ одинъ за другимъ ихъ привлекать къ тебѣ. Вѣрь, къ тебѣ придетъ ихъ столько, сколько ты самъ заслужилъ своею дѣятельностью. Не бойся остаться неизвѣстнымъ міру даже и тогда, если ты пріютился бы гдѣ-нибудь въ пустынѣ, въ непроходимыхъ лѣсахъ. Вѣрь, что и оттуда лучи свѣта достигнутъ до міра и туда пойдутъ къ тебѣ люди, жаждущіе истины и свѣта. Они будутъ прислушиваться къ каждому твоему слову. Вѣрнымъ залогомъ справедливости сказаннаго можетъ быть жизнь всѣхъ нашихъ подвижниковъ. Куда бы и какъ бы они не скрывались отъ міра, всюду ихъ находили люди и не давали имъ нигдѣ покоя, требуя отъ нихъ наставленія и утѣшенія. Почему же такъ? „Душа по природѣ христіанка“,—сказалъ одинъ христіанскій писатель и учитель. По самой природѣ все доброе и прекрасное — ея родная стихія. Какъ нѣкоторыя растенія сами собой обращаются къ солнцу или какъ путникъ, сбившійся ночью порой съ пути, идетъ на свѣтъ, который завидитъ; такъ и наша душа инстинктивно влечется къ всему доброму. Для нея достаточно только видѣть истинно доброе, познать его, чтобы устремиться къ нему всею сплани. Этотъ законъ духовной жизни человѣка—законъ постоянный; онъ одинаково наблюдается во всѣ вѣка. Припомните, съ какимъ воодушевленіемъ, съ какой охотой язычники слушали своихъ философовъ, ораторовъ, выдающихся общественныхъ дѣятелей. Припомните, чѣмъ только они не жертвовали для

нихъ. Припомните, какъ они отыскивали истинно великихъ людей за самой черной работой, изъ бѣднаго простаго рода и отсюда приводили ихъ къ занятію самыхъ высшихъ государственныхъ должностей. Припомните, какъ они хранили память о нихъ не одно столѣтіе и послѣ ихъ смерти. Ужъ не будемъ вспоминать, какъ стекался народъ слушать Спасителя, оставляя свои дома, дѣтей, забывая даже о пищѣ. Если мы отъ прошедшаго обратимъ свой взоръ къ настоящему, бѣдному хорошиимъ людьмн, какъ говорятъ, то и здѣсь найдемъ подобныя примѣры. Кто изъ насъ не знаетъ, что въ каждомъ обществѣ есть люди, предъ которыми невольно благоговѣешь, которыхъ всегда съ радостью слушаешь и готовъ исполнять каждое ихъ слово. Какое бы положеніе они не занимали, ихъ всегда находили люди, жаждущіе свѣта и истины. Это все носители свѣта, провозвѣстники добрыхъ началъ жизни. Различіе лишь въ томъ, что на ихъ духовномъ очагѣ еще не такъ ярко горитъ огонь, какъ въ душахъ другихъ людей, достигшихъ совершенства. Поэтому около однихъ собираются массы народа, около другихъ меньше толпится людей.

Долго сидѣлъ я на палубѣ парохода, погруженный въ эти думы. Наконецъ я рѣшилъ оставить свое раздумье, идти и посмотреть къ публикѣ, которая ѣхала къ о. Іоанну.

Публика была очень интересна по своему составу; въ ней, кажется, были представители всѣхъ сословіи и профессій. Я назову лишь только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вотъ группа студентовъ одной Академіи. Одинъ изъ нихъ уже кончилъ курсъ, другіе еще учатся. Что ихъ привело сюда? Вотъ ученый профессоръ химіи Горнаго Института, написавшій нѣсколько сочиненій по своей специальности даже на нѣмецкомъ языкѣ, ѣдетъ тоже въ Кронштадтъ и тоже къ о. Іоанну. Что это такое? Не обманъ ли зрѣнія? Какимъ образомъ попалъ сюда человекъ изъ той среды, которая уже давно твердитъ всѣмъ, что кромѣ матеріи ничего нѣтъ. Какъ я послѣ узналъ, онъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ дѣйствительно не хотѣлъ ничего и слышать о Богѣ, душѣ человека, его безсмертіи. Его въ это время вполне удовлетворяли атомы, микроорганизмы и т. п. тонкія существа. Въ погонѣ за ними онъ даже лишился одного глаза во время одного опыта. Цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ онъ жилъ въ полной свободѣ,

какъ подсказывалъ ему его разумъ, занятый различными бактеріями. И къ чему же пришелъ этотъ человѣкъ? Онъ не могъ вынести этого неестественнаго положенія. Сама природа стала ему говорить, что оно ненормально. Онъ сталъ чувствовать пустоту своей жизни. Онъ наконецъ понялъ, что человѣкъ одаренъ не однимъ холоднымъ разсудкомъ, живетъ не одними только исключительно учеными интересами; онъ имѣетъ еще сердце и волю, имѣетъ непреодолимая религиозныя и нравственныя запросы и стремленія. Полная и довольная жизнь возможна только тогда, когда удовлетворены тѣ и другія. И вотъ по настоящему требованію своей природы, прислушиваясь къ протестующему внутреннему голосу, онъ не выдерживаетъ своего ложнаго положенія. Жгучая, постоянная неудовлетворенность всѣмъ окружающимъ заставляетъ его искать разрѣшенія своихъ сомнѣній и приводитъ его къ о. Іоанну.

Вотъ сидитъ довольно молодая дама, изяшно одѣтая. Ея костюмъ послѣднее слово моды и эстетики. Черты лица, движенія, разговоръ,—все обличаетъ въ ней аристократку. Она ѣдетъ также къ о. Іоанну. Глядя на нее, невольно задумаешься. Что заставляетъ ее ѣхать на этотъ маленькій, бѣдный островокъ? Вѣдь, кажется, ничего не придумаешь, чего бы ей доставало въ жизни. Она живетъ въ роскошномъ домѣ, напоминающемъ собою дворецъ. Тамъ картины лучшихъ русскихъ и заграничныхъ художниковъ ласкаютъ ея взоръ. Тамъ собраны лучшія сочиненія всѣхъ гениальныхъ и талантливыхъ писателей—русскихъ и иностранныхъ. Ея слухъ улаживаютъ почти ежедневно звуки чудной, волшебной музыки. Не слышно нигдѣ грубой рѣчи; ея взоръ не встрѣчаетъ грубыхъ и уродливыхъ, безобразныхъ манеръ. Въ ея домѣ собраны лучшіе плоды труда человѣческаго, иногда многолѣтняго и упорнаго. И море, и суша, и глубины земныя, и горы, и воздухъ принесли сюда свои богатые дары. Отовсюду собраны лучшія произведенія людей и лучшіе дары природы. Цѣлый полкъ прислужниковъ окружаетъ ее, стараясь предупредить каждое самое малое ея желаніе. Для нея возможны всѣ самыя высшія и благородныя развлеченія. Для нея почти не существуетъ ни времени, ни пространства: деньги даютъ возможность посѣтить самый отдаленный уголокъ земли, по телеграфу разговаривать съ

тѣмъ, кто живетъ за тысячи верстъ. Словомъ, кажется, для нея нѣтъ ничего невозможнаго. Но не смотря на всю эту роскошь и богатство, она ѣдетъ изъ своего угла, этого какъ бы волшебнаго царства, къ о. Іоанну. Очевидно, и великолѣпныя палаты и роскошь и знатность не могутъ сохранить человѣка отъ сомнѣній, неудовлетворенности и печали. Она, какъ самый рѣдкій воръ, какихъ еще не бывало среди людей, на глазахъ у всѣхъ прокрадывается въ домъ, свиваетъ тамъ себѣ прочное гнѣздо и наконецъ доводитъ человѣка до того, что онъ оставляетъ свое великолѣпное жилище и бѣжитъ искать себѣ помощи на сторонѣ.

Недалеко отъ этой дамы сидѣлъ извѣстный богатый купецъ. И этотъ ѣхалъ къ о. Іоанну. Богатство сдѣлало его маленькимъ князькомъ. Предъ нимъ преклонялись сотни людей, восхваляли его въ рѣчахъ, газетахъ, исполняли каждое его малѣйшее желаніе. Онъ былъ всюду принятъ. Не было ни одного удовольствія, которое было бы ему недоступно. Онъ не знаетъ конца своимъ владѣніямъ. Все испыталъ въ своей жизни. Это—Соломонъ конца 19 вѣка. И къ чему же пришелъ онъ своимъ опытомъ? „Много денегъ у меня, говорилъ онъ, много лѣсовъ, земли, луговъ и всякихъ владѣній, но ни на что мнѣ не хочется смотрѣть. Тяжело мнѣ. Днемъ и ночью гложетъ меня какая то тоска. Я не знаю, что сейчасъ предпринять и куда дѣваться. Я заблудился и не знаю для себя никакого выхода. Заблудился среди бѣлаго дня... Это говоритъ не сумасшедшій, а человѣкъ, находящійся въ полномъ разумѣ и здоровьѣ. Мнѣ сказали, что о. Іоаннъ помогаетъ многимъ. Вотъ я и ѣду къ нему, не поможетъ ли онъ и мнѣ?“ Таково чистосердечное признаніе богача, крупнаго землевладѣльца. Очевидно, и громадныя богатства не спасаютъ человѣка отъ скорби; скорбь можетъ пробраться и къ богачу и опутать его такую крѣпкой паутиной, что человѣкъ потеряетъ всякую возможность самъ лично освободиться отъ нея.

Не буду описывать другихъ пассажировъ 1-го класса. Тутъ было много людей различныхъ сословій и профессій. Каждый ѣхалъ къ „дорогому батюшкѣ“ съ какимъ либо горемъ или какой-нибудь нуждою. Палуба 2-го и 3-го класса также была полна. Здѣсь были люди средняго сословія—крестьяне и бѣдняки. Замѣчательную картину представляли крестьяне.

Одни изъ нихъ съ котомкой за плечами, въ худыхъ лаптяхъ, въ плохой одеженкѣ прошли сотни верстъ, перенесли всѣ невзгоды продолжительнаго путешествія. Нѣкоторые шли даже Христовымъ именемъ въ Кронштадтъ. Что ихъ влекло сюда? Все одно и то же желаніе—посмотрѣть, послушать великаго пастыря и поучиться у него, какъ жить имъ „по-Божьи“.

Не буду, читатель, утомлять тебя длиннымъ перечнемъ всѣхъ, кто ѣхалъ къ о. Іоанну. Не буду посвящать и въ ихъ завѣтныя думы, съ какими они къ нему ѣхали. Я не преувеличу, если скажу, что къ о. Іоанну ѣхалъ бѣдный и богатый, знатный и незнатный, ученый и неученый, аристократъ и крестьянищъ. Тутъ были старыя и малыя, мужчины и женщины. Всѣ большею частію ѣхали о чемъ либо просить о. Іоанна; одни о матеріальной помощи, другіе совѣта, третьи исцѣленія, нѣкоторые принести ему благодарность за оказанную имъ ту или другую помощь.

Пока я осматривалъ пассажировъ, пароходъ успѣлъ уже пройти большую часть пути отъ Петербурга до Кронштадта. Вдали уже были видны церкви, городскія зданія, мачты кораблей, стоявшихъ около Кронштадта. Быстро оставивъ 1-й классъ, я поднялся на палубу парохода, чтобы отсюда лучше видѣть этотъ знаменитый теперь городъ. Долго и пристально я вематривался вдаль. Мнѣ думалось, что даже его зданія должны были говорить объ о. Іоаннѣ. Но они ничего не говорили. Это были такія же каменные высокія постройки, какъ и во многихъ другихъ городахъ, о существованіи которыхъ многіе даже совершенно не знаютъ. Среди шпицевъ церквей, легко поднимавшихся къ небу и царившихъ надъ городомъ, мнѣ указали на одинъ. То былъ шпичъ Андреевскаго собора,—мѣста служенія о. Іоанна. И интересно, этотъ холодный, безмолвный памятникъ теперь сталъ для меня дорогъ. Мнѣ показалось, что какъ будто онъ даже видитъ насъ и хочетъ намъ сказать: „здѣсь подъ кровлей этого священнаго храма священнодѣйствуетъ тотъ, къ которому вы ѣдете“. Такъ хорошій человекъ одухотворяетъ и всѣ вещи, съ которыми соприкасается. И глубокое чувство благодарности возносила моя душа Провидѣнію за то, что оно могло намъ благополучно достигнуть Кронштадта, въ который мы ѣхали съ такимъ нетерпѣніемъ.

Между тѣмъ пароходъ подвигался все дальше и дальше; до берега оставалось уже очень немного. Городъ лежалъ предъ нами во всемъ своемъ величїи, весь залитый яркимъ свѣтомъ солнца, стоявшаго почти надъ головой. Еще нѣсколько минутъ и мы у берега, на твердой землѣ. Пароходъ уменьшилъ ходъ и наконецъ сталъ у пристани, слегка покачиваясь на небольшихъ волнахъ. Мы сошли на пристань. Наше вниманіе было остановлено массой публики, которая суетилась здѣсь. Тутъ были мужчины и женщины, старые и малые. Съ саквояжами, сумами, сумками, узелками и узелочками спѣшили всѣ на пароходъ. Не нужно было спрашивать, къ кому ѣздили всѣ эти люди. Это все возвращающіеся отъ о. Іоанна, удовлетворенные. Они уже видѣли великаго пастыря; большинство изъ нихъ говѣло у него. Всѣ они получили отъ него то, что просили, въ чемъ сильно нуждались. Интересно было посмотрѣть на ихъ лица. Я успѣлъ заглянуть нѣсколькимъ въ лицо и поразился. Напрасно было искать на нихъ слѣдовъ печали, скорби, грусти, которая кладетъ замѣтный отпечатокъ на чело человѣка, рѣзко бросающійся каждому въ глаза. Это были все радостныя лица. О какомъ же особенномъ, неизъяснимомъ мирѣ и спокойствїи душевномъ говорила каждая черта, складка ихъ лица. Такія минуты бываютъ лишь тогда, когда ничто не волнуетъ душу человѣка—ни заботы, ни страсти, ни скорби, ни печали; и какое особенно чарующее и улаждающее взоръ величіе отражается тогда въ лицѣ человѣка. Въ это время болѣе, чѣмъ въ какое другое можно видѣть до осязательности ясно все величіе человѣка, его богоподобіе, небесное происхожденіе по своей душѣ и предназначеніе быть царемъ, владыкой міра земного и членомъ въ дому небеснаго Отца въ небесномъ Іерусалимѣ. (Апок. XXI гл.). Не наблюдали ли кто моря въ тихую, ясную, теплую лунную ночь? На всемъ пространствѣ, какое только можно окинуть взоромъ, не пробѣжить по нему ни одна маленькая хотя волна и нигдѣ не зарыбитъ воду. Громадныя, поражающія своими размѣрами массы воды покойны... И вся эта громада какъ бы спитъ величаво. Кажется, нѣтъ въ мірѣ ни одной силы, которая могла бы пробудить ее отъ этого сна. Царь природы—человѣкъ представляется ничтожнымъ въ сравненїи съ этою необъятною массою воды. И сколько ве-

личія мощи, спокойствія, важности и какой то очаровательной ласки видишь тогда въ немъ. Впечатлѣніе, какое мы получаемъ отъ моря въ тихую погоду, лишь только отчасти напоминаетъ намъ величіе человѣка, когда онъ бываетъ вѣренъ своему высокому призванію, когда его душа не бываетъ ареной различныхъ пороковъ и страстей.

Я не могъ осмотрѣть всѣхъ паломниковъ, возвращавшихся отъ о. Іоанна. Но думаю, что большая часть ихъ возвращалась съ миромъ въ душѣ и съ свѣтлымъ взоромъ на будущее. Проходя мимо ихъ, я думалъ: счастливые, вы уже достигли того, къ чему стремились. Пусть Богъ благословитъ ваше возвращеніе въ родные дома. Храните, какъ драгоценное сокровище все, что здѣсь получили въ свое назиданіе. Не забывайте никогда завѣты, данныя вамъ здѣсь, и вы будете счастливы. Несите ихъ съ собой на родину и повѣдайте о нихъ другимъ, кому не удалось самому быть въ Кронштадтѣ.

Благословивъ возвращающихся отъ о. Іоанна, мы спѣшили найти дилижансъ чтобы скорѣе быть у о. Іоанна. У пристани стояло нѣсколько дилижансовъ и было очень много извозчиковъ въ ожиданіи большого числа прѣзжающихъ къ о. Іоанну. И ихъ ожиданія, когда о. Іоаннъ бываетъ въ Кронштадтѣ, всегда исполняются въ точности. Нами начинили одинъ дилижансъ и мы поѣхали въ городъ. Самый городъ не представляетъ собою ничего особеннаго. Онъ походитъ на многіе русскіе города. Городъ — оживленный, чистый, опрятный, съ множествомъ большихъ хорошихъ домовъ, съ хорошими улицами, тротуарами, садами и пр. По дорогѣ намъ встрѣтилось нѣсколько церквей. Не подалеку отъ православныхъ храмовъ стояли католическій костелъ и протестантская кирка. Вотъ истинная чадолюбивая мать наша св. православная церковь. Она не боится давать строить храмы рядомъ съ своими храмами тѣмъ, которые выступаютъ нерѣдко противъ нея въ качествѣ ея злѣйшаго врага, кто на своей родинѣ ни за что не позволитъ ютиться православному храму вблизи своего.

По дорогѣ наша мысль, конечно, была занята тѣмъ, гдѣ живетъ о. Іоаннъ. По пути къ нему намъ встрѣтился и Андреевскій соборъ. Если бы насъ и не предупреждали, что это тотъ самый храмъ, въ которомъ служитъ о. Іоаннъ, мы до-

гадались бы объ этомъ и сами. Около храма, на широкихъ ступенькахъ, ведущихъ въ соборъ, сидѣло много народа, видимо чего то поджидаващаго. Какъ будто бы здѣсь былъ праздникъ или въ храмѣ была какая либо святыня, которую скоро должны были вынести оттуда. Между тѣмъ былъ будничныи день. Почему же такое собраніе народа? Кого здѣсь дожидаются? Надѣюсь, что читатель давно уже догадался—кого. Помолвившись у этого священнаго храма, мы отправились прямо на квартиру. Она была недалеко отъ храма, и главное, противъ квартиры самого о. Іоанна. Вотъ мы и на квартирѣ. Наконецъ то мы на мѣстѣ, наконецъ то мы увидимъ того, къ кому пріѣхали изъ-за 700 верстъ.

Въ день нашего пріѣзда въ Кронштадтѣ о. Іоанна не было дома: его увезли въ Петербургъ и дома онъ долженъ быть лишь въ I-мъ часу ночи. На утро онъ долженъ былъ пріобщать всѣхъ пріѣхавшихъ. Мы пожалѣли, что о. Іоанна не было въ городѣ. Остатокъ дня употребили на осмотръ города, а время вечернее до сна въ молитвѣ, подготавливаясь къ великимъ таинствамъ исповѣди и св. причастія.

Я никогда не забуду этого вечера. Да и забыть его никогда нельзя. Было уже 10 часовъ. Въ комнатѣ цариль полумракъ. Передній уголь весь, почти отъ самаго пола до потолка, и значительная часть стѣны уставленъ иконами. Это почти цѣлый домашній иконостасъ. Предъ иконами теплится до десяти разноцвѣтныхъ лампадокъ, освѣщая святые лики Угодниковъ Божіихъ. Какіе чудные все лики—кроткіе, милосердые, любвеобильные. Они какъ бы живые смотрятъ на тебя; взоръ ихъ проникаетъ въ самую глубь твоей души и даже его какъ бы ощущаешь на себѣ. Они какъ бы простираютъ къ тебѣ свои объятія и влекутъ тебя къ себѣ. Ты вступаешь въ ними въ незримую ни для кого живую бесѣду. Не словами бесѣдуешь здѣсь. Нѣтъ, всю душу охватываетъ какое то особенное возвышенное, святое, мирное настроеніе. О, какой это великій, благодатный, святой и святѣйшій миръ. Что можетъ сравниться съ нимъ въ этомъ видимомъ мірѣ? Какимъ свѣтомъ наполняется тогда внутренняя духовная храмина человѣка. Какъ ясна становится жизнь наша здѣсь и тамъ за гробомъ съ ея безконечнымъ продолженіемъ. Какъ просто разрѣшаются всѣ наши сомнѣнія и недоразумѣнія. Какъ крѣпнетъ вѣра. Въ эти

минуты человѣкъ можетъ идти на всевозможныя пытки и костеръ за Христа безъ всякихъ колебаній и сомнѣній.

Въ комнатѣ, слабо освѣщенной свѣтомъ лампадъ, находилось до 50 человѣкъ, пріѣхавшихъ къ о. Іоанну и остановившихся съ нами въ одномъ домѣ. Всѣ мы стояли съ одними думами и чувствами. У всѣхъ насъ въ эти минуты была какъ бы одна душа и одно сердце. Была между всѣми нами незримая, но великая, сердечная, глубокая связь, соединявшая всѣхъ въ одну родную, тѣсно сплоченную неразрывными узами, семью. Правило читалъ студентъ іеромонахъ о. М., много учившійся, много выдавшій и пережившій на своемъ вѣку, человѣкъ искренній, сердечный, самоотверженный и глубоко религіозный. Смерть жены заставила его раздать свое имѣніе, оставить видное служебное положеніе и отдать всего себя на служеніе людямъ. Годы избородили его высокое чело и добродушное лицо морщинами. Подъ вліяніемъ пережитаго во многихъ мѣстахъ уже серебрелись въ головѣ и бородѣ его прежде черные волосы. Говорить ли о томъ, какое молитвенное настроеніе осыняло въ эти минуты всѣхъ насъ. То тамъ, то здѣсь слышались вздохи, исходившіе изъ самой глубины души. Многіе склонились на колѣни. Нѣкоторые тихо плачутъ. Взоры всѣхъ, можетъ быть, еще съ небывальымъ до сихъ поръ напряженіемъ обращены были къ небу. Казалось, между молящимся и небомъ уже не было никакого болѣе пространства. Душа витала какъ бы у самаго подножія престола Божія и зрѣла своего любвеобильнаго небеснаго Отца.

Шелъ первый часъ ночи, когда кончилась наша молитва. Съ неизъяснимымъ миромъ и покоемъ въ душѣ мы легли спать, чтобы раннимъ утромъ быть уже въ храмѣ за богослуженіемъ, которое будетъ совершать самъ о. Іоаннъ. Мы легли всѣ на полу нашей маленькой общей комнаты на чистыхъ постеляхъ, приготовленныхъ для насъ заботливой хозяйкой. И при этомъ столь экономическомъ расположеніи, мы могли только едва всѣ помѣститься здѣсь. А о койкахъ нечего было и думать. Правда, намъ тѣсно было и не совсемъ удобно, но за то мирно и покойно у всѣхъ было на душѣ и мы въ этой тѣсотѣ спали такимъ глубокимъ сномъ, какимъ не всегда удавалось засыпать, находясь и въ болѣе удобной обстановкѣ. Намъ предлагали отличное помѣщеніе

со всѣми удобствами, предлагали бесплатно, но мы рѣшили жить противъ о. Іоанна. А наша квартира была единственная такая квартира въ данномъ мѣстѣ. Поэтому мы предпочли тѣсноту простору, чтобы только быть рядомъ съ о. Іоанномъ, смотрѣть на его домъ, наблюдать огонекъ, едва замѣтный тамъ въ какой то комнатѣ, слѣдить за входами и выходами его изъ дома, гадать, что онъ дѣлаетъ въ извѣстную минуту.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Село Казнево.
23 іюля 1893 года.

В. М.
